

КИРГИЗСБІЕ ОЧЕРБИ. (*)

Ш.

Черезъ нѣскольکو дней по выѣздѣ изъ Усть-Каменогорска мы были въ Кокпектахъ, городѣ, въ которомъ находится окружной приказъ (**). Не думайте, впрочемъ, чтобы Кокпекты были въ самомъ дѣлѣ похожи на городъ. Много дурныхъ русскихъ деревень гораздо лучше Кокпектовъ. По сторонамъ широкой улицы расположились бѣдныя хижины; разбитыя стекла домовъ—а ихъ въ рамахъ не меньше цѣльныхъ—заклеены или замѣнены бумагою. На бугоркѣ стоитъ православная церковь чрезвычайно оригинальной архитектуры. На улицахъ грязь весьма почтенной глубины. Утонувъ въ нее по щиколоку, стоитъ рогатый скотъ, флегматически отжевывая жвачку. Въ разныхъ углахъ города грызутся собаки и дерутся мальчишки. На заведенкахъ сидятъ, въ киргизскихъ халатахъ, ничего недѣлающіе казаки. Это, впрочемъ, не горожане, а станичники. Горожанъ составляютъ нѣскольکو оборванныхъ средне-азіатцевъ, извѣстныхъ во всѣхъ степяхъ подъ общимъ именемъ ташкинцевъ. Нужно сознаться, что мнѣ показалось, будто грустный видъ Кокпектовъ есть результатъ бѣдности жителей, зависящей отъ недостатка угодій и скудости мѣстности, на которой расположенъ городъ. Много, очень много казачьихъ степныхъ станицъ гораздо лучше города Кокпектовъ.

(*) „Военный Сборникъ“ 1866 г., ММ 1 и 6.

(**) Станица Кокпектинская основана въ 1836 году и назначена мѣстопребываніемъ окружнаго приказа въ 1844 году, а въ 1854, при учрежденіи Семипалатинской области, переименована въ городъ. Въ 1863 году въ Кокпектахъ считалось 3,613 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 994 магометанъ.

Въ пространствѣ отъ Кокпектовъ до Сергіополя разсыпается Тарабагатайскай хребетъ, служащій водораздѣльною чертою между системами Иртыша и Балхаша. Такъ какъ здѣсь не устроено правильнаго почтоваго сообщенія, то для насъ представлялись, по пути слѣдованія, лошади и юрты, долженствовавшія замѣнять станціи. Дѣло шло уже къ срединѣ октября, и мы при ночлегахъ, очень страдали отъ холода. Горы, а частію и степь, были мѣстами покрыты снѣгомъ. Термометръ Реомюра по ночамъ падалъ до 10° ниже нуля. Понятно, слѣдовательно, почему мы съ удовольствіемъ вѣхали въ Сергіополь, хотя, при другихъ условіяхъ, можно было только выѣзжать съ удовольствіемъ изъ подобнаго города. Сергіополь (бывшая станица Аягузская) побѣднѣе и похуже Кокпектовъ. Казачья станица напоминаетъ еще бѣдную деревню, но городъ собственно, или такъ называемая Ташкинская слободка, ниже всякой критики. Нѣсколько дворишковъ, обнесенныхъ оградами, посреди которыхъ разбиты старыя, закопченныя юрты; нѣсколько мазанокъ; нѣсколько значительныхъ кучъ грязи и навоза; нѣсколько оборванныхъ и грязныхъ жителей-азіятъ—вотъ и вся слободка.

Дорога отъ Сергіополя къ окраинѣ Балхаша очень типична. Мѣстность, бывшая отъ Усть-Каменогорска до Сергіополя по преимуществу гористою, вскорѣ выравнивается, растягивается и принимаетъ чисто-степной характеръ. Несмотря на позднее время года, можно было замѣтить, что растительность здѣсь весьма не разнообразна; только на берегахъ рѣки Аягузки виднѣлись купы тальника, мѣстами тополь и трава, достаточно густая, чтобы прокормить значительныя стада. Но какъ только мы отдѣлялись отъ рѣки, то вѣзжали въ районъ солончакъ или сыпучихъ песковъ. Послѣдніе нанесены буграми, на которыхъ кое-гдѣ растетъ пучками трава. По этимъ пескамъ лѣтомъ ползаетъ множество разнообразныхъ змѣй, бѣгаютъ ящерицы и живутъ въ большомъ количествѣ степные рябчики. На мѣстахъ, гдѣ песокъ прикрѣпился къ почвѣ, растутъ очень высокое чій и чингиль, древодивный кустъ, употребляемый киргизами на топливо; кромѣ того попадаетъ джигда (*Elaeagnus angustifolia*), ягодами которой питаются фазаны, почему ея присутствіе въ какой-нибудь мѣстности есть вѣрный признакъ того, что тутъ же живутъ и фазаны.

Пустынность мѣстности, по которой мы теперь ѣхали, объ-

ясняется совершенно удобно. Эти обширные пески и солончаки, вѣроятно, еще въ очень недавнее время были дномъ большаго внутренняго моря, отъ котораго остались озера: Балхашъ, Сасыкъ-Куль, Уялы и Ала-Куль. Теперь между этими озерами однообразно протягивается обширная равнина, покрытая песчаными наносами и солончаками. Мѣстные жители рассказываютъ, что и теперь, весною, послѣ таянія большихъ снѣговъ, низина между пикетомъ Джусъ-Агачскимъ и Арганатинскими горами наполняется водою, соединяющею поверхность Балхаша съ Сасыкъ-Кулемъ. Ямщикъ, который везъ насъ, говорилъ, что вода эта не глубока и сообщеніе по почтовому пути не прекращается. Онъ прибавилъ, что каждую весну, если бы даже снѣга и не были зимою глубоки, на всѣхъ углубленныхъ мѣстахъ балхашской низины открываются ключи, которые заливаютъ впадины и образуютъ обширныя неглубокія озера (*).

Балхашъ раздѣляетъ пески и солончаки Голодной степи отъ песковъ и солончаковъ, тянущихся восточнѣе озера до предгорій хребта Барлыкъ. Вся эта масса солонцоватыхъ песковъ, съ ясно видными днами высохшихъ озеръ, не указываетъ ли на существованіе въ былыя времена огромнаго озера, занимавшаго все пространство между 85 и 100 градусами долготы?

Балхашская низина теперь неудобна для осѣдлой жизни. Тому не мало способствуютъ постоянные восточные вѣтры, свирѣпствующіе между Тарабагатаемъ и предгоріями джунгарскаго Алатау. Вотъ краткія свѣдѣнія, которыя я могъ собрать объ этихъ вѣтрахъ. На югъ отъ рѣки Эмиля и къ востоку отъ озера Ала-Куль, въ китайскихъ предѣлахъ, тянется Барлыкскій хребетъ, составляющій какъ бы продолженіе джунгарскаго Алатау. Тамъ, гдѣ два хребта сближаются, остается долина около 25 верстъ шириною, соединяющая киргизскія степи со степями Монголіи. Изъ этого ущелья, начиная съ осени, дуетъ жестокий восточный вѣтеръ, называемый туземцами „ѣбе“. Когда въ долину между Барлыкомъ и Алатау пасмурно,

(*) Можно предполагать, что въ прошломъ столѣтіи Сасыкъ-Куль и Ала-Куль составляли одно озеро. На китайскихъ картахъ, составленныхъ по приказанію Цинь-Луна, европейскими мисіонерами, вмѣсто нынѣ существующихъ двухъ озеръ показано одно. На картѣ артилеріи капитана Ульковскаго, начерченной, по распроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ у калмыковъ, въ 1722 году, озеро, соединенное изъ Сасыкъ и Ала-Кулей, названо Алакъ-тугуль. Гумбольдтъ, разбирая старыя китайскія карты, принадлежавшія барону Шпаллингу-фонъ-Калстадту, нашелъ, что оба упомянутыя озера на одной изъ нихъ тоже показаны соединенными.

эбе не дуетъ; но какъ только становится ясно, то въ тѣсномъ мѣстѣ ущелья начинаетъ слышаться сперва шумъ, потомъ ревъ вѣтра, приближающагося съ востока. Издалека видно, какъ эбе крутить снѣгъ, ворушаетъ камни, дымится. Все живое спасается тогда отъ грознаго вѣтра по горнымъ щелямъ, потому что эбе такъ же удобно опрокидываетъ и катитъ за собою верблюда, какъ и лошадь со всадникомъ. Ураганъ продолжается порывами обыкновенно до тѣхъ поръ, покуда не найдутъ тучи; тогда онъ стихаетъ. Зимой эбе страшенъ по невыносимому холоду, сопровождающему вѣтеръ. Дѣйствию эбе подвержена, кажется, вся долина, между Сергіополемъ и Копаломъ, до озера Балхаша, можетъ быть и далѣе; но, конечно, по мѣрѣ отдаленія къ западу сила вѣтра ослабѣваетъ. Ледъ, достигающій на Ала-Куль значительной толщины, отъ дѣйствія эбе иногда разбивается, и льдины разбрасываются по западному берегу озера.

Киргизы рассказываютъ, что эбе дуетъ изъ пещеръ; Гумбольдтъ, въ своей *Asie Centrale*, повторяетъ ихъ сказаніе (*). Вѣроятнѣе объясненіе Голубева, который предполагаетъ, что восточные вѣтры, преобладающіе въ этихъ частяхъ Азіи, задерживаются горами, а потомъ съ силою прорѣзываются сквозь упомянутую узкую долину, производя эбе.

Понятно, что, благодаря частымъ и сильнымъ восточнымъ вѣтрамъ, пески, кочующіе на низинѣ между Балхашемъ и Сасыкъ-Кулемъ, только съ большимъ затрудненіемъ могутъ прикрѣпляться къ почвѣ; всякія же растительныя сѣмена въ пологъ, подверженной эбе, должны вывѣтриваться изъ земли (**).

(*) Гумбольдтъ, въ своемъ сочиненіи о Средней Азіи, собралъ чрезвычайно много матеріаловъ, желая доказать, что сопка Араль-Тюбе, находящаяся на островѣ Ала-Куля, есть вулканъ. Впослѣдствіи мнѣніе знаменитаго ученаго было опровергнуто двукратнымъ путешествіемъ на Ала-Куль А. Шренка и привезенными имъ образцами породъ съ Араль-Тюбе.

Ставъ на точку зрѣнія своей гипотезы о дѣйствіи здѣсь вулканическихъ силъ, Гумбольдтъ спрашиваетъ: можно ли объяснить существованіе сильныхъ буръ въ окрестностяхъ Ала-Куля простыми атмосферическими явленіями? Ссылаясь на авторитеты генерала Генса и другихъ компетентныхъ лицъ, Гумбольдтъ говорить про существованіе пещеры Эбе, „входъ въ которую подобенъ каморкѣ“ и изъ которой дуютъ ураганы (выбрасываются пары?). При этомъ онъ опредѣляетъ мѣсто пещеры вблизи рѣки и озера Баратала, около которыхъ въ XIII столѣтіи (во времена походовъ Гулягу-хана) свирѣпствовали бури, загонявшія стада въ ближайшее озеро, почему эти мѣста объявлены опасными.

(**) Вѣтеръ, подобный эбе, очень хорошо извѣстенъ морякамъ бывшаго черноморскаго флота. Вотъ что говорится о немъ въ „Лоціи Чернаго моря“: „Несмотря однакожъ на разводимую ими (т. е. вѣтрами) зыбь, мѣсто (Новороссійская бухта)

Плано-Карпини, монахъ ордена миноритовъ, ѣздившій, по приказанію папы Инокентія IV, ко двору Гаюки-хана, внука Чингизъ-хана, описалъ свое путешествіе въ особомъ сочиненіи. Въ немъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Выѣхавъ оттуда, нашли мы какое-то небольшое море, на берегу котораго находится небольшая гора. Въ этой горѣ, говорятъ, будто есть отверстіе, изъ котораго зимою выходятъ столь жестокія бури, что едва можно, да и то съ великою опасностію, проѣзжать симъ мѣстомъ. Лѣтомъ же всегда слышно тамъ бушеваніе вѣтровъ; но изъ отверстія они выходятъ не сильно. Нѣсколько дней ѣхали мы берегомъ сего моря, которое хотя и не очень велико, но наполнено островами, и оставили оное въ лѣвой рукѣ“. Переводчикъ и комментаторъ Плано-Карпини, Языковъ, думаетъ, что здѣсь говорится о Байкалѣ. Съ этимъ нельзя согласиться.

Выѣхавъ изъ Европы въ 1246 году, Плано-Карпини вступилъ въ земли биссерминовъ (хивинцевъ) около праздника Вознесенія, слѣдовательно въ маѣ мѣсяцѣ, и ѣхалъ по хивинской землѣ до дня св. Іоанна Крестителя. Потомъ папское посольство въѣхало въ земли черныхъ китаевъ (въ восточный Туркестанъ или малую Бухарію) и, обогнувъ около упомянутаго озера, вступило въ земли наймановъ около Петрова дня того же 1246 года. День Іоанна Крестителя празднуется 24-го іюня, а Петровъ день

было бы весьма безопасно, если бы здѣсь не существовало грозной „бормы“. Въ лѣтнее время въ Новороссійскѣ часто дуютъ свѣжіе NO-ые вѣтры, нисколько не тревожащіе стоящихъ на рейдѣ; но осенью и зимою вѣтры эти часто превращаются въ ураганы. Доказательствомъ силы ихъ служатъ голыя вершины восточныхъ горъ бухты, съ которыхъ воздухъ стремится къ морю страшными вихрями, уничтожая всякую растительность. Вихри рвутъ воду и гонятъ ее брызгами, такъ что все пространство рейда какъ бы покрыто паромъ. Въ городѣ невозможно въ это время выходить на улицу: мелкіе камни, поднимаемые вѣтромъ, бьютъ съ силою въ лицо и могутъ изувѣчить; довольно прочныя каменные зданія колеблются отъ напора страшнаго вѣтра, и сильныя порывы его срываютъ кровли. Зимою борма особенно безпокойна: дуетъ съ такою силою, что почти невозможно устоять на ногахъ, она сопровождается 7 или 8 градусами мороза, иногда и вдвое болѣе. Поднимаемая брызга тотчасъ дедеветъ, и судно обмерзаетъ очень скоро....“ „Къ счастью, борма никогда не налетаетъ внезапно: высказывая свое приближеніе неизвѣнными примѣтами, она даетъ время приготовиться къ ея принятію. Вершины восточныхъ горъ бухты передъ борою бываютъ совершенно чисты....“ и т. д.

Вѣтры, подобныя вѣе и бормѣ, случаются у Триеста и Мыса Доброй Надежды. Такого же характера западные вѣтры на югѣ Патагоніи. Замѣчательно, что всѣ они дуютъ изъ горныхъ ущелій къ водѣ.

29-го іюня. Если допустить, согласно толкованіямъ Языкова, что озеро, мимо котораго проѣзжалъ Пано-Карпини, Байкаль, то нужно допустить также, что мисія, слѣдуя изъ хивинской земли, откуда выѣхала 24-го іюня, пріѣхала къ берегамъ Байкала раньше 29-го іюня, т. е. сдѣлала около 3,000 верстъ менѣе чѣмъ въ четверо сутокъ.

Вѣроятнѣе, что Пано-Карпини говоритъ здѣсь про Ала-Куль, который за шесть вѣковъ до нашего времени могъ составлять одно озеро съ Сасыкъ-Кулемъ, можетъ быть даже съ Балхашемъ; также точно вѣроятно, что вѣтеръ, дующій изъ горныхъ ущелій, про который говоритъ папскій посолъ, есть эбе, свирѣпствующій въ балхашско-алакульской низинѣ.

На широтѣ Балхаша мы поднялись на Арганатинскія горы (арканъ-аты—прямъ какъ канатъ), составляющія какъ бы послѣднюю ступень поднятія, сопровождавшаго образованіе средне-азіатскихъ горъ. Съ вершины Арганатовъ открывается разомъ вся громадная линія джунгарскаго Алатау. Горы поднимаются будто изъ мглы марева и становятся ясно видны уже на значительной высотѣ. Громадныя вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, точно сквозятъ и кажутся какими-то фантастическими хрустальными дворцами. Ниже ихъ можно было различить то широкія снѣжныя поляны, то обрывистые уступы, опороченные снѣгомъ. Глубокія вертикальныя впадины кажутся темно-синяго цвѣта и чрезвычайно живописно оттѣняютъ яркую бѣлизну покатостей и вершинъ. Горы блестяще-бѣлыя наверху постепенно темнѣютъ по мѣрѣ приближенія книзу: тамъ меньше снѣгу. Еще ниже онѣ смутно и неопредѣленно сливаются съ воздухомъ. Вечеромъ, когда заходящее солнце ударило свѣтомъ на блестящія бѣлки, картина горъ стала чрезвычайно живописною. На прозрачномъ фіолетовомъ небѣ рисовались зубчатыя вершины, точно исполинскіе рубины и сапфиры, точно затѣйливыя кружева, раскрашенные всѣми красками, отъ бѣлаго до розоваго, синяго и чернаго цвѣтовъ. Солнце постепенно потухало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и краски мѣняли мало по малу свои цвѣта. Низъ горъ мало по малу погружался въ темную синеву, и когда солнце скрылось совершенно, отъ этого хребта, теперь спрятавшагося совершенно въ полупрозрачную мглу, остались однѣ только вершины, облитыя яркимъ блескомъ, будто высоко зажженные свѣточн.

Вскорѣ мы были на берегу рѣки Лепсы (*). У лепсинскаго пикета она шириною сажень въ тридцать и довольно глубока. Берега ея поросли чингилемъ, джигдою и камышемъ колосальныхъ размѣровъ. Въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ рѣки видѣлись огоньки ауловъ. Воздухъ былъ теплый и мягкій, точно у насъ въ концѣ августа. Общее впечатлѣніе, производимое рѣкою, очень пріятно и напоминаетъ Качу, Альму, Салгирь, хорошія крымскія рѣки.

Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о нашихъ странствованіяхъ по степи, позвольте выписать изъ моего журнала нѣсколько дней. Это можетъ имѣть извѣстный интересъ, благодаря крайней подробности, съ которою я ежедневно вписывалъ въ журналъ все видѣнное и слышанное, и тому обстоятельству, что дневникъ обращалъ особенное вниманіе на обстановку и условія внутренней киргизской жизни.

15-го октября. Сегодня мы рѣшили ѣхать въ Лепсинскую станицу, лежащую отъ лепсинскаго пикета въ 150 верстахъ, по большой дорогѣ. Другой путь, для верховыхъ, идетъ туда же берегомъ Лепсы.

Такъ какъ осенью кочуетъ по рѣкѣ множество ауловъ, то Г* и я рѣшили ѣхать въ Лепсинскую станицу верхомъ, а остальная часть комисіи направилась туда же по большой дорогѣ (**).

Мы снарядились въ путь такимъ образомъ: наняли шесть лошадей и проводника киргиза Сигизъ-бая; запаслись хлѣбомъ, чаемъ, сахаромъ и водкою; взяли мѣдный чайникъ, штуцеръ, револьверъ и ружье. Кромѣ Сигизъ-бая нанятъ былъ съ пикета казакъ Дмитрій. Переводчикъ комисіи, г. Ибрагимовъ, весьма порядочный молодой человекъ, поѣхалъ тоже съ нами. Всего пять человекъ и шесть лошадей, изъ которыхъ у одной болтался на спинѣ нескладный вьюкъ, прикрѣпленный къ обыкновенному сѣдлу помощію веревокъ.

Отправились въ дорогу въ одиннадцать часовъ утра. Термометръ показывалъ +10° по Реомюру.

(*) Лепса наибольшая рѣка Семирѣчинскаго края; беретъ начало съ вѣчныхъ снѣговъ джунгарскаго Алатау (съ горы Кукъ-тошъ), а впадаетъ въ озеро Балхашъ. Самое широкое мѣсто Лепсы не болѣе 50 сажень; глубина около 9 саж. „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, П. Семенова.

(**) Лѣтомъ киргизы не кочуютъ на берегахъ Лепсы, вслѣдствіе большаго количества насѣкомыхъ, беспокоящихъ скотъ.

Дорога сначала почти все время шла берегомъ Лепсы. Въ долину, орошаемой разливомъ рѣки, попадаются весьма часто тополи, вербы, джигдовыя деревья, барбарисъ, шиповникъ, высокій частый камышъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ эти растенія были перемѣшаны и тѣсно сплочены въ одну чащу, такъ что мы могли пробираться сквозь береговую урѣму только по тропинкамъ, промятымъ скотомъ. За высокими же песчаными берегами, ограничивающими долину, лежитъ ровная безплодная степь. Песчаные наносные холмы безотрадно и безпорядочно тянутся кругомъ, покуда только можетъ видѣть глазъ. Часть этихъ песковъ, вѣроятно, кочуетъ и до сихъ поръ, если дуетъ сильный вѣтеръ. Это можно было замѣтить теперь по песку, съ шелестомъ летѣвшему въ степи за легенькимъ вѣтеркомъ, который провожалъ насъ въ путь-дорогу. Другая часть песковъ, перемѣшанная съ кое-какимъ черноземомъ, поросла саксауломъ, астрагалами, полынью и кинцомъ. Лѣтомъ близъ долины Лепсы нужно беречься большого количества водящихся здѣсь тарантуловъ и фалангъ. Огромныя стада степныхъ рябчиковъ носились по этой пустынѣ, издавая далеко слышныя характеристическіе крики. Нашъ путь пролегалъ, параллельно Лепсѣ, въ логахъ между высокими песчаными холмами. Это самая разбойническая дорога, вѣроятно и проложенная первоначально барантачами. По ней можно было сдѣлать десятки верстъ такъ, что со степи трудно было видѣть всадниковъ.

Иногда дорога подходила къ самому краю высотъ, ограничивающихъ узкую долину Лепсы. Богатая растительность окоймляла свѣтлую полосу рѣки. Съ Лепсы, издавая металлическіе звонкіе крики, поднимались, прилепывая по водѣ крыльями, лебеди; съ испуганнымъ кваканьемъ улетали утки; съ хриплыми звуками спасались другія птицы.

Мы ѣхали уже часа два съ половиною, но аула еще не встрѣчали. По свѣжему скотскому помету и по густой полосѣ только что проложенныхъ въ одномъ направленіи слѣдовъ можно было заключить, что аулы поднялись выше по Лепсѣ, не далѣе какъ сегодня. Не рассчитывая вскорѣ встрѣтить аулы, мы спустились къ рѣкѣ и стали выбирать мѣсто для привала. Здѣсь поразила меня формація береговъ Лепсы. На обнаженномъ обрывѣ виднѣлось множество слоевъ песку то совершенно бѣлаго, то желтаго, грязнаго и темнаго цвѣтовъ. Слои, на ровномъ разстояніи, были раздѣлены тонкимъ песчаникомъ,

твердыя плиты котораго торчали изъ разноцвѣтныхъ наслоеній песку и валялись у берега рѣки. Около этого мѣста мы и расположились. Лошади были стреножены и стали „рядкомъ поѣхъся ность“. Сигизъ-бай натаскалъ сучьевъ, разложилъ костеръ, и скоро чайникъ закипѣлъ. Часа черезъ полтора мы опять поѣхали. Кругомъ тянулась та же пустыня. Впереди выше и выше поднимались горы, отчетливо рисуя свои громадныя вершины на фонѣ чистаго, безоблачнаго неба. Теперь можно было видѣть, что возвышенія, казавшіяся незначительными бугорками на одной и той же сплошной стѣнѣ горъ, не болѣе, не менѣе какъ вершины предгорій, проектирующіяся на главномъ хребтѣ. Предгорія были безъ снѣга, и на нихъ можно было разсмотрѣть сплошныя массы лѣса. „Тамъ—говорилъ Сигизъ-бай—лѣсъ такъ густъ, что нельзя проѣхать верхомъ. По лѣсамъ водятся маралы, медвѣди, архары (*ovis agali*), тигры.

Становилось темнѣе. Превосходный день потухалъ тихо, освѣщая всю видимую плоскость горъ и золота покатоности, обращенныя къ западу. При вечернемъ освѣщеніи, Алатау былъ невыразимо хорошъ. Эти переливы тѣней, этотъ ослѣпительный блескъ, перемѣшанный на фантастическихъ граняхъ со всѣми цвѣтами и полною тѣнью, эти далекія вершины, горящія какъ свѣчи посреди великолѣпнаго хаоса формъ и цвѣтовъ, такъ ласкали зрѣніе, что не хотѣлось оторвать отъ нихъ глазъ.

Потемнѣло почти совсѣмъ. Воздухъ сталъ свѣжъ, даже холоденъ. Съ песчаныхъ высотъ, на которыя мы взлѣзжали, по отсутствію огня можно было судить, что въ окрестности нѣтъ ауловъ. Сигизъ-бай сулилъ намъ комфортабельный ночлегъ у одного татарина-торговца, котораго кошъ (*) долженъ былъ быть недалеко. Мы направились туда. Наши лошади безпрерывно спотыкались объ арыки (**), развѣтвляющіяся посреди полей, на которыхъ было посѣяно просо. Твердая желтая солома еще торчала кругомъ частою щетиною. Круги крѣпко вытопанной земли, служившіе токами, были обнесены валиками, въ предохраненіе отъ воды арыкъ; на этихъ токахъ кир-

(*) Кошемъ называется небольшая юрта, приспособленная къ удобной перевозкѣ.

(**) Арыками называются здѣсь ирригаціонныя канавки, проведенныя изъ рѣки для орошенія полей.

гизы молотили просо лошадами. Когда совсѣмъ стемнѣло, мы подѣхали къ кошу татарина, расположенному на правомъ берегу. Чтобы добраться до него, нужно было переправиться въ бродъ черезъ рѣку. Сигизъ-бай сталъ громко кричать, чтобы вызвать хозяевъ коша. Скоро показалась какая-то фигура. На требованіе Сигизъ-бая показать бродъ, фигура спросила, кто мы такіе. Проводникъ отвѣчалъ, что мы часть той самой комисіи, подъ которую выгоняли на почтовую дорогу лошадей. Татаринъ крикнулъ, что ему все равно, кто мы такіе, что брода черезъ рѣку здѣсь нѣтъ и что, наконецъ, выше по рѣкѣ есть много ауловъ, гдѣ мы можемъ переночевать совершенно удобно. Мы постояли, посмотрѣли на воду Лепсы, выбрали въ сласть упрямаго татарина и поѣхали далѣе.

Въ темнотѣ намъ приходилось спускаться въ глубокія сырыя долины, подниматься на высоты и опять спускаться въ ямы, поросшія высокимъ камышемъ. Повременамъ Сигизъ-бай взвѣзжалъ на вершину какого-нибудь бугра, чтобы прислушаться, нѣтъ ли гдѣ лая. Мы тоже останавливались. Неподвижная фигура проводника отчетливо рисовалась тогда на полутемномъ ночномъ небѣ, служа какъ бы продолженіемъ чернаго бугра. Кругомъ ни звука, ни малѣйшаго шороха; только повременамъ хрипло прокричитъ какая-нибудь птица на Лепсѣ, да схватится вѣтерокъ, замѣняя глухое молчаніе шелестомъ песку, катящагося по пустынѣ. Во время одной изъ подобныхъ рекогносцировокъ, Сигизъ-бай закричалъ Ибрагимову, что, во-первыхъ, слышитъ лай собакъ, а во-вторыхъ чувствуетъ запахъ аульнаго дыма. Мы прибавили шагъ. Верстахъ въ трехъ оттуда мы дѣйствительно увидѣли много огней, но всѣ аулы стояли на правомъ берегу. Мы поѣхали по прибрежнымъ высотамъ. При нашемъ приближеніи, съ рѣки, съ громкими криками, поднимались стада лебедей, гусей и утокъ. Луна взошла, и насъ могли теперь видѣть изъ ауловъ. Собаки подняли страшный концертъ. Бабы, вѣроятно опасаясь, что ѣдутъ барантаци, громко сзывали скоть, и далеко по рѣкѣ разносились ихъ призывные крики: гау! гау! гау! гау!

Мы все ѣхали, не зная, что и предпринять. Наконецъ увидѣли нѣсколько юртъ на довольно высокомъ берегу Лепсы, долина которой суживалась въ этомъ мѣстѣ. Мы подѣхали къ рѣкѣ и рѣшительными криками вызвали жителей аула на берегъ. Помощію денегъ и угрозъ мы заставили показать себѣ

бродъ. Одинъ киргизъ усѣлся на быка и поѣхалъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ, пригласивши и насъ дѣлать то же самое. Въ верстѣ отъ аула, онъ закричалъ, чтобы мы вѣзжали въ рѣку и держались прямо на него. Сигизъ-бай съ вьюкомъ тронулся первымъ. Вода рѣки, доходившая до живота лошадамъ, была совершенно чиста и искрилась, благодаря яркому лунному освѣщенію, при каждомъ шагѣ впередъ. Вдругъ Сигизъ-бай дѣлаетъ нѣсколько странныхъ движеній, такъ что вода расплескивается во всѣ стороны... Секунду спустя я вижу его на другомъ берегу, а вьючная лошадь барахталась, будто проваливаясь въ грязь. Нашъ вьюкъ! моя записная книга!... Еще секунда, и киргизъ изъ аула, бросившійся въ воду, уже тащилъ за поводъ вьючную лошадь.

Мы пріѣхали наконецъ въ аулъ, пробывъ на сѣдлѣ около десяти часовъ. Собаки — часовые и замки киргизовъ — осадили со всѣхъ сторонъ нашихъ лошадей; но, въ противность степнаго этикета, изъ юртъ никто не выходилъ, чтобы принять насъ. Когда же мы захотѣли сами войти въ первую попавшуюся юрту, намъ загородили входъ, объявивъ, что здѣсь лежитъ горячечный; въ другой юртѣ — то же самое; въ третьей — то же. Дѣйствительно, сквозь кошмы юртъ можно было слышать то болѣзненный кашель, то крики и плачь дѣтей, то тяжелые стоны больныхъ людей. Наконецъ нашла одна юрта, гдѣ не было больныхъ. Хозяйка юрты, шустрая бабенка, въ изодранномъ халатишкѣ, пояснила, что она немущая, не имѣетъ не только ничего, чтобы угостить насъ, но даже и кошемъ, чтобы подослать на землю. Внутренняя обстановка юрты точно самая нищенская. Деревянный остовъ ея былъ старъ; войлочные стѣны испещрены дырками разнообразной формы. Одинъ небольшой сундучишко стоялъ прямо противъ входа; нѣсколько растрепанныхъ грязныхъ войлоковъ валялись у сундука, нѣсколько необходимой утвари, нѣсколько обрывковъ измочаленныхъ веревокъ — вотъ все, что можно было замѣтить во внутренности юрты.

Мы попросили продать намъ барана: оказалось, что во всемъ аулѣ нѣтъ ни одного, такъ какъ тутъ живутъ одни джетаки (*). Пришлось послать за бараномъ въ ближайшій аулъ.

(*) Джетаками называются киргизы, немогущіе кочевать по бѣдности, почему они, большею частію, занимаются земледѣліемъ. Впрочемъ, подъ словомъ джетака разумѣется всякій нищій.

Когда мы напились чаю, то ведерный чайникъ былъ переданъ въ распоряженіе киргизовъ, которымъ роздали по куску сахара. Это обстоятельство моментально измѣнило наши отношенія; хозяйка сдѣлалась любезнѣе и разговорчивѣе. Въ юрту стало набираться множество народа, съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ питіи чая. Пришли какія-то сморщенные бабы и робко столпились у входа; влѣзъ какой-то мальчишка безъ всякаго костюма и бѣлья и, протолкавшись къ огню, сталъ важно грѣть животъ. Скопуженная мать крикнула на него; онъ скрылся, но черезъ нѣсколько минутъ вернулся, облаченный въ грязную длинную рубаху, которая спереди была разорвана отъ самаго горла до низа, а сзади—отъ поясицы до низа же. Удовлетворивъ чувству материнской стыдливости, мальчишка раздвинулъ рубаху по разрыву и сталъ попрежнему грѣть свой животъ.

Вдругъ шумъ и движеніе. Старшіе киргизы стали гнать дѣтей подзатыльниками, а старики, проталкиваясь впередъ, огрызаться на безстыдство болѣе молодыхъ людей, занявшихъ все мѣсто въ юртѣ. Скоро объяснилась причина преувеличеннаго старанія расчистить мѣсто: въ юрту ввели купленнаго въ сосѣднемъ аулѣ барана. Ибрагимовъ поднялъ руки и прочелъ „бату“, молитву надъ приготовленнымъ къ закланію, т. е. пожелалъ, чтобы хозяинъ и семейство юрты были всегда здоровы и чтобы стада ихъ никогда не уменьшались. Аллахъ! Аллахъ! закончили всѣ присутствующіе, проведя обѣими руками по бородѣ. Потомъ одинъ киргизъ вынулъ ножъ, перерѣзалъ барану горло и, выпустивъ кровь въ подставленное корыто, проговорилъ: „кровь Богу!“ Когда судороги барана кончились, мясникъ, сбросивъ съ себя одежду и обнаруживъ бронзовые по цвѣту и крѣпости члены, сталъ снимать кожу. Засимъ баранъ былъ порѣзанъ небольшимъ ножичкомъ на куски съ удивительнымъ знаніемъ анатоміи. Баранина была брошена въ невытый котелъ, покрыта грязною крышкою и унесена въ другую юрту для варки.

Въ ожиданіи баранины, мы стали спрашивать киргизовъ про ихъ житье-бытье. Эти распросы нужно вести очень осторожно. Серьезные вопросы необходимо безпрерывно пересыпать пустяками: иначе, возбудишь недовѣріе, а тогда можно быть увѣреннымъ услышать одни только бессмысленные отвѣты.

Во время распросовъ, я всматривался въ эти получеловѣ-

ческія лица, тѣснымъ рядомъ сгруппировавшіяся у огня. На очагѣ вспыхивалъ и погасалъ быстро сгоравшій кизилъ-ча, то освѣщая группу людей, сидящихъ на корточкахъ кругомъ очага, то разливая полумракъ, въ которомъ тонули всѣ детали странной картины. Лица нищихъ киргизовъ, нашихъ гостей, были до того исковерканы ежечасною заботою о пропитаніи, неопрятностію, отсутствіемъ всякихъ слѣдовъ мысли, уродливостію, что казались звѣреобразными, почти обезьянными.

Условія киргизской жизни и потребностей чрезвычайно просты. Незначительный капиталъ въ скотѣ, напримѣръ, 200—250 барановъ, съ пропорціональнымъ количествомъ рогатыхъ и лошадей, дѣлаетъ жизнь киргиза совершенно восполненною. При подобномъ состояніи даже прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Если же состояніе будетъ выше, то киргизъ станетъ ѣздить на хорошей лошади, вмѣсто посредственной; станетъ покупать ташкинскія или китайскія сѣдла, вмѣсто киргизскихъ; заведетъ двѣ сабы (*), вмѣсто одной; уберетъ внутренность юрты тикеметами и коврами, вмѣсто простыхъ кошмъ; однимъ словомъ, количество его потребностей останется то же, но съ увеличеніемъ своего состоянія киргизъ станетъ улучшать только качества потребляемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, потребности и бѣдныхъ и богатыхъ почти однѣ и тѣ же; удовлетворяются же онѣ, смотря по состоянію, съ большею или меньшею прихотливостію. Состояніе ниже посредственнаго отзывается уже разстройствомъ киргизскаго хозяйства, по невозможности удовлетворить всѣ потребности кочевой жизни, а эта невозможность кончается обыкновенно тѣмъ, что, за истребленіемъ скота, киргизъ теряетъ способность кочевать. Положеніе тѣхъ киргизовъ, которые останавливаются на мѣстѣ и дѣлаются по необходимости осѣдлыми, по истинѣ ужасно. Юрта не домъ; она непрактична для жизни на мѣстѣ. Оттого грязь, нечистота, вонь, холодъ, повсемѣстные лохмотья, больные—вотъ обыкновенные атрибуты неkochующихъ киргизовъ или джетаковъ. Пусть не предполагаютъ наивные люди, что, вслѣдствіе несложности киргизскихъ потребностей, бѣдность въ степи переносится легче, чѣмъ въ улицахъ Парижа и Лондона. Все то же самое. Также отяжелѣвшій киргизскій собственникъ можетъ давить нему-

(*) Сабою называется кожаная прокопченная посуда для квашенія и храненія кумыса.

цаго. Также велико для послѣдняго обаяніе покоя и капитала; также остро и болѣзненно желаніе собственности, и также тяжело нищему выбиваться изъ своего положенія, безъ особенно благоприятныхъ обстоятельствъ.

Аулъ, въ которомъ мы находились, принадлежитъ къ Исенгуль-Сарджентимовской волости. Хозяинъ юрты джетакъ Тюлебай Игиликовъ. Онъ содержитъ жену и брата, изъ которыхъ и состоитъ его семейство. Все его имущество заключается въ двухъ головахъ рогатой скотины. По бѣдности, Игиликовъ занимается земледѣіемъ. Не имѣя рабочаго скота для запашки, онъ ежегодно, на время работъ, выпрашиваетъ его у своихъ достаточныхъ родителей, которые и исполняютъ просьбу сына бесплатно. Въ прошломъ году засѣялъ Игиликовъ шесть деревянныхъ чашекъ проса и два небольшихъ мѣшка пшеницы. Урожай въ 1865 году былъ не совсѣмъ хорошій. Изъ собраннаго хлѣба онъ промѣнялъ четыре мѣшка (по 5 пудовъ каждый) на четырехъ барановъ. Изъ послѣднихъ два пошли въ уплату чегына по волости ⁽¹⁾, а на двухъ остальныхъ куплено у торговца нанки и бязи. Изъ бязи жена Игиликова сдѣлала себѣ джавлукъ ⁽²⁾, а мужу подштанники; изъ нанки же она сшила себѣ халатъ, который и составляетъ единственную ея одежду. Ни у одного члена семейства нѣтъ рубашки. На сапоги выпросили у богатаго киргиза кожу съ павшей скотины; шьетъ же имъ сапоги одинъ родственникъ бесплатно. Тулупъ есть у одного мужа.

Изъ хлѣба, оставшагося отъ продажи, два копа роздано тамырамъ ⁽³⁾ за услуги, подобныя шитью сапоговъ. Это, по словамъ хозяина, такъ же обязательно, какъ и чегынь. Конецъ концовъ, на зиму оставалось у нихъ всего на все три копа пшеницы и три копа проса; изъ того числа до сегодняшняго дня уже съѣдено два копа пшеницы и одинъ копь проса; потому хозяева юрты думаютъ, что на зиму продовольствія имъ нехватитъ. Какъ пробьются до слѣдующей осени, тоже не знаютъ.

Юрта служитъ уже семь лѣтъ и поставлена вскорѣ послѣ свадьбы. Тогда состояніе киргизской четы было немного лучше.

(1) Чегыномъ называется плата, взимаемая съ каждаго киргиза на пополненіе разныхъ внутреннихъ и негласныхъ расходовъ по волости.

(2) Джавлукомъ называется головной уборъ киргизовъ.

(3) Тамыръ—другъ, пріятель; соответствуетъ кавказскому кунаку.

Были двѣ лошади, но онѣ нали въ первый же годъ супружества.

Ясака платятъ двѣ мерлушки въ годъ (*). Аульный старшина за ясакомъ не прѣзжаетъ, а самъ уплачиваетъ подати за весь ауль, для чего берегъ деньги на проценты у торгаша-татарина. Сколько беретъ онъ денегъ и сколько въ дѣйствительности нужно платить ясака, хозяева не знаютъ. По уплатѣ ясака, аульный старшина раскладываетъ долгъ, пропорціально состоянію, на всѣхъ лицъ, составляющихъ ауль. Засимъ онъ даетъ татарину ярлыки, въ которыхъ означено, съ кого и сколько нужно получить денегъ. По этимъ ярлыкамъ татаринъ, при помощи аульнаго, и собираетъ свои долги.

Очередь поставить подводу въ этомъ году до Игиликова не доходила; но каждый чагаракъ (**), долженъ ставить подводу, если она будетъ потребована. Нанимающій лошади долженъ нанять ее.

Оборванный мальчишка опередилъ барана, котораго варили въ другой юртѣ, и пояснилъ, что сейчасъ же принесутъ казанъ. Отложивъ для себя часть мяса, остальное мы роздали по кучкамъ, въ которыя усѣлись киргизы, предчувствуя поживу. Менѣе чѣмъ въ двѣ минуты баранъ принадлежалъ уже исторіи; только слышно было, какъ, съ громкимъ хрустѣніемъ, ломались толстыя кости крѣпкими киргизскими зубами. Это былъ пиръ волковъ, напавшихъ на неожиданную добычу. Впрочемъ, хозяинъ, облизывая черныя, грязныя пальцы, хвасталъ намъ, что имъ вообще удается иногда ѣсть мясо. Это случается чаще всего въ годы большаго падежа скота. Тогда они выпрашиваютъ одну или двѣ издыхающихъ скотины у богатыхъ родственниковъ.

Впрочемъ, и у этихъ паріевъ существуютъ свои правила общежитія, свое *zavoir vivre*. Еще во времена существованія барана, когда мы предложили хозяйкѣ раздѣлить его гостямъ, она отказалась, пояснивъ, что неприлично распорядиться бараниною, сваренною не въ ея юртѣ.

Во время ужина, изъ дверей юрты непрерывно показыва-

(*) Мерлушка или шкурка барана стоитъ отъ 10 до 25 к. сер., смотря по мѣстности и времени года.

(**) Чагаракъ—деревянный кругъ на верху юрты, для выхода дыма; служить и окномъ. Выраженіе „подать съ чагаракъ“ соответствуетъ нашему—„подать съ дыма“.

лгез морды огромныхъ собакъ. Несмотря на частыя, короткія извизгиванія и затѣмъ поспѣшныя ретиралы, свидѣтельствующія о боли, которую можетъ причинить таловая палка, нѣкоторые изъ псовъ успѣвали похищать кости чуть не изъ рта своихъ хозяевъ. Послѣ пира, когда отъ барана не осталось рѣшительно ничего, кромѣ чистыхъ бѣлыхъ костей, послѣднія были собраны и выброшены на дворъ. Теперь между собаками идетъ упрямая дарвиновская борьба „за существованіе“, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Легко спать около двухъ часовъ.

16-го октября. Когда я проснулся, солнце ярко свѣтило сквозь открытый чагаракъ. На очагѣ горѣлъ кизыль-ча. Г* покапывалъ, сидя съ трубкою за чаемъ. Я вышелъ изъ юрты. На дворѣ стоялъ превосходный день. Около самой юрты, подъ возвышеннымъ берегомъ, журчала свѣтлая Лепса, а на той сторонѣ тянулась степь, освѣщенная теплымъ солнцемъ. Налѣво поднимался Алатау. Плоскости и грани вершинъ, обращенныхъ къ солнцу, сверкали какъ бриліанты. Хороша здѣсь природа. Привольная могла бы развиться здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жизнь, кабы другая исторія да другой народъ.... Вудто для сильнѣйшаго контраста съ чистыми, опрятными домами, поверхность земли подъ ауломъ была грязна, завалена скотскимъ пометомъ, мѣстами обратившимся въ вонючую кашу. Около юрты валялись обрывки кошеть, веревочекъ, клочки тулуповъ; лежали истрепанныя колеса съ измочаленными ободьями, укрючины, длинныя палки. На этомъ хламѣ и въ этой грязи барахтались нагія дѣти съ кожей грязно-бронзоваго цвѣта, больныя, съ тонкими оконечностями и отвислыми животами. Почти у всѣхъ были на головѣ парши, а руки въ чесоткѣ. Къ юртамъ были привязаны телята, чтобы не высосали у коровъ молока, долженствующаго служить пищею людямъ. Киргизскія бабы, въ лохмотьяхъ, невообразимо грязныхъ, доили коровъ въ ведра, выдолбленная изъ деревянныхъ колодъ. Впрочемъ, это картина обыкновенная въ каждомъ аулѣ.

Часовъ въ одиннадцать мы выѣхали, послѣ самаго дружественнаго прощанія съ добрыми джетаками. Изъ аула мы вскорѣ поднялись на одну высоту. Оттуда далеко стала видна степь, и, сколько могъ дохватывать глазъ, повсюду являлись многочисленныя стада и группы юрты. Картина кочевьевъ далеко не лишена своеобразной красоты. Я не разъ отставалъ отъ на-

шей кавалькады, чтобы быть въ состояніи спокойно любоваться красотой дикой картины, развертывавшейся передъ глазами во всѣ стороны.

Плоскость чуть не математически ровная тянется до самыхъ предгорій Алатау. Кое-гдѣ на берегу Лепсы поднимаются бугры, съ высокими и странными на нихъ могшиами султановъ и киргизскихъ богатырей. На мѣстахъ, заливаемыхъ весеннею водою: рѣки, поднимается теперь высокая пожелтѣвшая трава, и по ней бродятъ, въ разныхъ направленіяхъ, пестрые стада. Оборванный мальчишка сидитъ неподвижно на лошади около плотно сгруппировавшихся барановъ. Еще болѣе неопрятная киргизская дѣвушка ѣдетъ верхомъ на волѣ и сгоняетъ стада широко разбредшихся коровъ и быковъ. Лошадей нѣтъ: онѣ въ отгонныхъ мѣстахъ, на горахъ, гдѣ растетъ нужная для нихъ трава. Въ разныхъ мѣстахъ степи, и близко, и далеко, чуть не у самыхъ горъ, темнѣютъ и бѣлѣютъ юрты, поставленныя кучками по 3, 4 и по 5 штукъ вмѣстѣ. Остановимся на секунду, чтобы удобнѣе присмотрѣться и прислушаться ко всему окружающему, и какъ-то спокойно переливается въ ухахъ воздухъ, заставляя обращать усиленное вниманіе на каждый звукъ, раздающійся посреди степей. Вотъ нескладная могила оригинальной постройки, поднимающая кверху свои глиняные шпиль: здѣсь когда-то жилъ и пасъ свои стада большой человекъ, богатый киргизъ, увеличивавшій свое имущество барантою и грабежемъ у слабыхъ сосѣдей. Оттого киргизы и чтутъ его могилу. „Гау! гау! гау!“ звонко кричитъ баба въ ближнемъ аулѣ. „Алданазары! Алданазары!“ зоветъ въ углу степи одинъ киргизъ другаго. Гдѣ-то далеко дружно и наперерывъ начали остервенѣло лаять собаки. Вотъ справа вѣтерокъ принесъ окрикъ табунщика и спокойное мычанье. Вдали, на половину спрятавшись въ высокую траву, ѣдутъ нѣсколько всадниковъ, подгоняя передъ собою овецъ—должно быть, гонять на продажу. Въ другой сторонѣ за чѣмъ-то несетъ чуть виднаго киргиза, который гонитъ лошадь во весь духъ къ рѣкѣ....

Вся эта картина, всѣ эти звуки, вся своеобразная обстановка кочевій сильно врѣзывается въ мозгъ, такъ сильно, что, вѣроятно, никогда не забудется.

Недалеко отъ аула нашихъ пріятелей-джетаковъ растетъ нѣсколько высокихъ тополей — мѣсто, далеко замѣтное въ степи. Около, близъ озера, вѣроятно, оставленнаго разлитіемъ Лепсы,

стоитъ киргизская зимовка, пріютившаяся у высокихъ камышей. Урочище называется Сулу-Терекъ (красивая осина).

Мы повернули туда, чтобы осмотрѣть зимовку. Киргизъ-владелецъ ея потерялъ очень много скота въ джутъ (*) прошлаго года; потому прежняя его зимовка, способная для прокормленія большого количества скота, стала неудобна для того числа, которое у него осталось. „Теперь—говорилъ онъ намъ—осталось у меня такъ мало скота, что я въ состояніи обезопасить себя отъ случайностей, накопивая, съ помощію семейства, нужное количество сѣна. Прежняя моя зимовка лежала ниже по рѣкѣ и занимала много мѣста; но тамъ не было луговъ, потому я бросилъ ее и занялъ эту, бывшее кзеу (***) старшаго султана Кональскаго округа.“ Киргизское семейство жило пока въ юртахъ, разбитыхъ близъ самой зимовки, которая не была еще совершенно окончена.

Зимовка состоитъ изъ большой скирды сѣна, запаса кизяка и просторнаго загона для скота, сдѣланнаго изъ тростника и обложеннаго землею. Все это обнесено плотною изгородью изъ тростника. Въ серединѣ оставлено мѣсто для юрты. Когда грянуть холода, юрта будетъ перенесена сюда и снизу обсыпана снѣгомъ или землею. Скирда сѣна, гора кизяка и загонъ, охватывающіе съ трехъ сторонъ юрту, будутъ охранять ее отъ вѣтра и бурановъ. Для каждой изъ пяти юртъ, въ которыхъ живетъ семейство киргиза, у котораго мы теперь были, устроены подобный дворикъ, такъ что скирда сѣна, или загонъ, или кизякъ служатъ частію ограды для двухъ смежныхъ двориковъ. Входы въ дворники заглаживаются бревнами изъ джигдоваго дерева.

Изъ Сулу-Терека мы проѣзжали мимо древнихъ калмыцкихъ могилъ, разбросанныхъ по холмамъ праваго берега Лепсы. На одной изъ нихъ валялась грубая статуя, изсѣченная изъ гранита. Сигизъ-бай сказалъ намъ, что четыре года тому назадъ три калмыцкихъ старшины пріѣзжали зачѣмъ-то изъ Китая. Самый старшій изъ нихъ говорилъ, что онъ помнитъ еще время,

(*) Известно, что у киргизовъ весь скотъ ходитъ круглый годъ на подножномъ корму. Джутомъ называютъ они падежъ скота, происходящій отъ того, что скотъ не можетъ добывать себѣ корму изъ-подъ снѣга либо за глубиною его, либо за гололедецею. Джуть можетъ быть и оттого, что за лѣто выгорять вся трава, такъ что зимою оказывается безкормица.

(**) Кзеу называется мѣсто, на которомъ осенью останавливаются киргизы, чтобы стричь овецъ, и заготавливаютъ копченое мясо на зиму.

когда лепсианскій край принадлежалъ калмыкамъ (?). Старикъ — продолжалъ нашъ проводникъ — подѣхалъ къ одному очень глубокому озеру недалеко отсюда и сказалъ: „мнѣ помнится, что здѣсь долженъ быть бродъ до другаго берега“; потомъ ударилъ нагайкою и проѣхалъ все озеро по броду, про существованіе котораго и не подозрѣвали киргизы. Близъ того же озера, въ камышахъ, калмыки нашли статую, которую мы только что видѣли, и отвезли къ берегу Лепсы, на такъ называемое калмыцкое кладбище, говоря, что этотъ памятникъ сдѣланъ въ честь дочери ихъ бывшаго хана, которая похоронена здѣсь.

Мой товарищъ, служившій продолжительное время въ Сибири, пояснилъ мнѣ, что китайцы, задолго передъ заключеніемъ тарабагатайскаго протокола, подсылали на Лепсу калмыковъ, которые выкапывали изъ земли разныя древности и всячески старались доказать фактъ, всѣмъ извѣстный, именно, что эта земля принадлежала когда-то ойратамъ. Передъ заключеніемъ протокола, манджурскіе повѣренные неожиданно потребовали всѣ бывшія калмыцкія земли, хотя впоследствии не только отказались отъ своихъ претензій, но и выполнили всѣ требованія русскихъ. Сигизъ-бай доставилъ насъ на ночлегъ къ одному султану изъ рода Шанхай. Мы вошли въ юрту; но султанъ, стоя на маленькомъ коврижѣ на колѣняхъ, усердно молился, не обращая на насъ вниманія. Это продолжалось съ добрыхъ полчаса. Было совершенно ясно, что султанъ не хотѣлъ насъ пустить къ себѣ, потому мы предупредили его: купивъ барана, мы поѣхали далѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы приблизились къ горамъ, главный хребетъ сталъ скрываться за ближайшими предгоріями. Теперь казалось, что впереди насъ только незначительныя горки, хотя до предгорій оставалось всего нѣсколько верстъ.

Подъ вечеръ мы подѣхали къ самымъ горамъ и сначала спустились въ высохшее русло какого-то, вѣроятно, чрезвычайно быстрого и глубокаго весною потока, и потомъ стали подниматься на предгорія Алатаускаго хребта. Сзади расширялась далѣе и далѣе степь. Темнѣя и синѣя по мѣрѣ отдаленія отъ насъ, она казалась теперь ровною — хоть шаромъ покати. Сизо-фіолетовый туманъ курился надъ нею, скрадывая детали; только вблизи можно было различить желтыя пашни изъ-подъ снятаго проса. „Вотъ Арганатанскія горы“, сказалъ проводникъ,

показывая на облачно, чуть синѣвшее на краю горизонта. Солнце стало быстро прятаться за горы, и рѣзкій холодный вѣтеръ съ горъ пробѣжалъ по покатости, на которую мы карабкались. Внизу степь стала затягиваться густымъ темнымъ туманомъ. Изъ полумрачной мглы будто мигнулъ раза два огонекъ; но мы повернули влѣво, въ узкое ущелье, спертое по сторонамъ высокими горами, и далекій горизонтъ скрылся со всѣмъ, что неопредѣленно и загадочно рисовалось на немъ. „Джурь! джурь!“ скорѣе! а то становится очень свѣжо.... Еще одинъ поворотъ за покатость горы, и мы увидѣли пять юртъ, живописно раскинувшихся въ самомъ ущельи. Хозяинъ аула, султанъ Валиевъ (тоже изъ рода Шанхай), вѣроятно, предупрежденный собаками, выѣхалъ къ намъ навстрѣчу съ извиненіемъ, что не можетъ насъ принять въ своихъ юртахъ, такъ какъ тамъ вездѣ лежатъ больные. Мы отвѣтили, что не боимся больныхъ, и вошли въ юрту султанскаго телленгута (*), гдѣ дѣйствительно лежалъ горячечный. Хозяинъ юрты принялъ насъ ласково, чему не мало способствовалъ баранъ, котораго Дмитрій привезъ съ собою, переваливъ черезъ сѣдло. Скоро на очагѣ былъ разложенъ большой огонь, и на него поставленъ чайникъ. Внутренняя обстановка юрты доказывала нѣкоторый достатокъ. По стѣнамъ ея стояло много сундуковъ въ хорошихъ войлочныхъ чехлахъ; между ними на видномъ мѣстѣ красовался и нашъ погребецъ московскаго издѣлія; на киргѣ (**) висѣли узды, нагайки и старая кривая сабля; по угламъ и на сундукахъ лежали сѣдла; хозяинъ и хозяйка были одѣты въ полосатые бухарскіе халаты изъ шелку, смѣшаннаго съ бумагою.

Вошелъ султанъ, человекъ лѣтъ сорока-пяти, съ весьма добрымъ выраженіемъ лица. Мы его пригласили пить чай и ужинать съ нами.

Такъ какъ я нехорошо разсмотрѣлъ мѣстность, по которой мы ѣхали, то вышелъ изъ юрты. Что за ночь! Тепло, тихо и ясно, какъ днемъ. Полная луна освѣщала двѣ высокія горы, между которыми въ ущельѣ стояли юрты. Пространство между юртами, вмѣсто ограды, было огорожено твердыми ма-

(*) Телленгутаи называются киргизы, постоянно кочующіе съ султанскими родами. Они соответствуютъ бывшимъ нашимъ дворовымъ.

(**) Киргѣ—рѣшетка, служащая деревяннымъ корпусомъ юрты, на который навѣшиваются войлоки.

тами изъ чия. Въ образованномъ такимъ способомъ загонѣ помѣщались стада овецъ и рогатой скотины, иначе волки не преминули бы произвести среди нихъ серьезное опустошеніе. Подойдя къ стаду, я сталъ прислушиваться къ смѣшаннымъ звукамъ, происходящимъ отъ жеванія жвачки, храла спящихъ овецъ, чиханія и пр. Замѣтивъ внимательнаго наблюдателя, крайнія овцы вскочили и съ ужасомъ озирались на меня. Паническій страхъ сообщался постепенно всему стаду, и я, чтобы не надѣлать переполоха, пошелъ ко входу въ юрту. Вдругъ всѣ собаки аула, съ воемъ и лаемъ, ринулись по ущелью. Нѣсколько киргизовъ вылѣзли изъ юрты и начали ободрять собакъ, бросившихся, какъ мнѣ пояснили, за волкомъ. Долго послѣ того слышенъ былъ заливной лай псовъ, не прерывавшійся ни на секунду.

Позвольте мнѣ выпустить здѣсь рассказы киргизовъ про ихъ бытъ, про подати, отношенія къ властямъ своимъ и русскимъ, рассказы очень детальныя и имѣющіе большое значеніе для насъ, но не для читателей „Военнаго Сборника“.

Напившись чаю, поужинавъ и наговорившись съ киргизами, мы легли спать. Благодаря горамъ, посреди которыхъ стоялъ аулъ, въ юртѣ не дуло; несмотря на то, я долго не засыпалъ, потому что вписывалъ въ журналъ впечатлѣнія дня. Окончивъ эту работу, я рѣшился записать тотъ знакомый мнѣ эффектъ, который производитъ юрта осеннею ночью.

Въ юртѣ самой опрятной все необычайно грязно. Начиная со стѣнъ ея, покрытыхъ коптою, до пыльных войлоковъ, на которыхъ спятъ, до бѣлья и одежды ея обитателей, все пропитано грязью и кипитъ необъятнымъ количествомъ насѣкомыхъ. Оттого все находящееся въ юртѣ пропитано острымъ и кислымъ запахомъ неопрятности. Когда населеніе юрты располагается спать, хозяйка начинаетъ съ того, что раздѣваетъ дѣтей догола и ставитъ ихъ у очага съ тѣмъ, чтобы они согрѣлись раньше, чѣмъ полѣзутъ въ постель. Говорятъ, что, снявши все платье, спать теплѣе. На дѣтей наваливаютъ войлоки, тулупы и все могущее ихъ согрѣвать. Послѣ разоблачается хозяйинъ: снимаетъ чамбары, халатъ, рубашку и остается въ однихъ бумажныхъ панталонахъ. Онъ ложится въ постель. Войлокомъ, служащимъ одѣяломъ, его подтыкаетъ со всѣхъ сторонъ хозяйка. Засимъ послѣдняя разворачиваетъ джавлукъ, снимаетъ все, исключая рубахи, и гаситъ огонь,

оставляя перегорѣвшіе уголья, которые сгребаетъ въ кучу и засыпаетъ пепломъ. Потомъ закрывается тюндюкъ (*). Въ юртѣ распространяется запахъ дыма, ѣдкій, несносный, который, перемѣшиваясь съ испареніями крайне неопрятныхъ людей, со сквернымъ собственнымъ запахомъ всей юрты, производитъ чрезвычайно удушливую атмосферу. Ночью слышится частый сильный кашель дѣтей, кашель взрослыхъ, плачь.... Вдувается огонь; ребенокъ кормится грудью или кужею (**). Опять темнота. Тяжелый воздухъ давить васъ; изъ-подъ юрты вѣетъ холодомъ; изъ дыръ въ стѣнахъ дуетъ вѣтеръ. Воздухъ очищается, но за то наступаетъ проникающій холодъ.... Кто это бродитъ по вашимъ ногамъ? Это собака, которая вошла въ юрту, открывъ двери головою. Теперь она догрызаетъ брошенные кости и все съѣдомое, что только можно отыскать. „Кеть! кеть! кеть!“ пугаетъ собаку хозяинъ или хозяинъ тѣмъ шепотомъ, который слышишь крика, бросаю при этомъ въ нее чѣмъ ни попало. Опять тишина, прерываемая кашлемъ и тяжелымъ дыханіемъ дѣтей, плачемъ, униманіемъ и проч. Вдругъ чуть не на вашей головѣ начинается драка собаки; только одинъ войлокъ отдѣляетъ васъ отъ свирѣпой стаи, которая задыхается отъ злобы, грызется и возится, покуда нѣсколько жалобныхъ стоновъ не покажутъ, что есть бойцы, уже вышедшіе изъ строя, и что они теперь преслѣдуются разгоряченными побѣдителями. Или вдругъ собачья стая завоетъ и залаетъ на всѣ голоса и бросится навстрѣчу волку; или съвозъ сонъ вамъ слышится, какъ табунщикъ, стерегущій скотину, затянеть какія-то дикія ноты: не то поетъ, не то окликается, не то пугаетъ кого-то.... Свѣтаетъ. Вы это чувствуете по живому холоду, щиплющему ваши ноги; ваша голова забнетъ, потому что свѣжій вѣтерокъ проникаетъ въ какую-нибудь дырочку, образовавшуюся въ рухляди, которою вы покрыты. „Отъ! отъ!“ огонь! кричите вы отчаянно. Встаетъ хозяинъ, одѣвается и открываетъ тюндюкъ. Юрта обливается блѣднымъ свѣтомъ. Тщательно и долго раздувается огонь у очага; онъ вспыхиваетъ. Слава Богу!

17-ю октября. Узнавъ отъ Сигизъ-бая, что мы платимъ прогоны, султанъ захотѣлъ проводить насъ въ горы, съ тѣмъ,

(*) Тюндюкъ—четыреугольный кусокъ войлока, закрывающій отверстие чаргана.

(**) Кужа—просиная каша.

чтобы мы выбрали нужное число лошадей именно въ его табунѣ, ходившемъ не далеко отъ аула. Принявъ предложеніе султана и заплативъ за ночлегъ, мы тронулись въ дорогу свѣжимъ хорошимъ утромъ. Въ узкой долинѣ, параллельно нашему пути, журчалъ ручеекъ, кое-гдѣ замерзшій уже по берегамъ. Мы подъѣхали къ нему, чтобы напоить лошадей, которыхъ не водили еще на водопой; но, къ величайшему нашему недоумѣнію, всѣ лошади, будто по командѣ, стали бить ногами по водѣ и продолжали такое занятіе до тѣхъ поръ, покуда стояли въ ручьѣ. Я спросилъ у проводника, что бы это такое значило. „Это значить, что вода горькая отвѣчалъ онъ — лошади всегда бьютъ ногою отъ нетерпѣнія, если хотятъ пить, а вода нехороша.“ — „А какъ узнаютъ, когда другимъ животнымъ не нравится вода?“ — „Коровы, попробовавши дурной воды, трясутъ головою; верблюды шевелятъ и гримасничаютъ губами, а овцы не стануть и пить нехорошей воды, а попробовавши пойдутъ далѣе.“

Выѣхавъ изъ ущелья, мы стали подниматься на горы. Лошади шли съ большимъ усиліемъ. Послѣ двухчасоваго пути по тяжелымъ подъемамъ, мы добрались до табуна, который слѣдовалъ по крутому косогору, подгоняемый нѣсколькими пастухами. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ огромную пикку, сажени въ полторы длиною, съ толстымъ пучкомъ конскихъ волосъ, развѣвавшимся подъ лезвеемъ. Султанъ остановился; мы слѣзли съ лошадей, чтобы дать пересѣдлатъ ихъ, а я полѣзъ наверхъ, къ каменной шишкѣ, откуда, по моему расчету, долженъ былъ открываться далекій видъ на степь. Перебѣнивъ лошадей и оставивъ старыхъ въ султанскомъ табунѣ до того времени, пока Сигизъ-бай не поѣдетъ назадъ, мы продолжали подниматься въ гору. Когда наконецъ мы добрались до верха увала, то были вознаграждены одною изъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя никогда не забываются. Оттуда разомъ открылся главный хребетъ, закрывавшій впереди насъ весь горизонтъ. Теперь онъ не былъ болѣе заслоненъ незначительными предгоріями. Длинная цѣпь горъ, нагроможденныхъ одна на другую, была видна отъ самаго основанія, во всей своей величественной красотѣ. Южная покатость увала, съ котораго мы начали спускаться, была покрыта богатою растительностію, и, вѣроятно, много скота въ состояніи прокормить эта высокая трава, доходившая до колѣнъ

лошадямъ и покрывавшая всю покатошь. Внизу, близъ подошвы увала, у ручья, раскинулся аулъ. Султанъ, все-таки провожавшій насъ, пояснилъ, что въ этомъ аулѣ живетъ отличный серебряникъ, онъ же и оружейникъ, почему мы рѣшились завернуть туда. Когда мы усѣлись въ юртѣ серебряника и объявили, что заплатимъ, если онъ покажетъ намъ свою работу, киргизы успокоились....

Далѣе слѣдуетъ описаніе инструментовъ, работы серебряника, предметовъ, имъ сдѣланныхъ, и цѣны послѣднимъ....

Изъ аула мы опять поднялись на большую высоту, съ которой открылась долина рѣки Лепсы, остававшаяся у насъ до сихъ поръ въ правой рукѣ. Въ этомъ мѣстѣ она очень напоминаетъ крымскія рѣки. Берега рѣки обставлены высокими то полями, у которыхъ были разбросаны юрты. Черный ихъ цвѣтъ показывалъ, что владѣльцы юртъ не весьма богаты. Около юртъ, по широкой долиинѣ, бродили немногочисленныя стада. Проводникъ сказалъ намъ, что эти юрты принадлежатъ большею частію чала-казакамъ. Чала-казаками здѣсь называются метисы отъ среднеазіатцевъ и киргизовъ. Прежде чала-казаки не платили податей. Достаточно было назваться этимъ именемъ, и можно было жить цѣлые годы не только совершенно спокойно, но и не нести никакихъ повинностей относительно страны, въ которой живешь. Выгоды, сопряженныя съ положеніемъ чала-казаконъ, увеличивали каждагодно ихъ число; наконецъ подъ этимъ именемъ стали скрываться много нашихъ бѣглыхъ татаръ и солдатъ. Въ 1851 году былъ возбужденъ вопросъ объ обложеніи чала-казаконъ податями и о припискѣ ихъ къ киргизскимъ волостямъ. Вѣроятно, теперь число чала-казаконъ не будетъ увеличиваться. Понятно, слѣдовательно, почему чала-казаки жили большею частію въ горахъ, въ ущельяхъ, въ трудно доступныхъ рѣчныхъ долинахъ, однимъ словомъ тамъ, гдѣ въ сосѣдствѣ были надежныя убѣжища отъ беспокойныхъ властей. Вѣроятно, такимъ образомъ нужно объяснить себѣ и значительное число чала-казаконъ, поселившихся въ верхнихъ частяхъ лепсинской долины.

Обѣдать мы остановились на заимкѣ (*) казака Николаева. Старушка-хозяйка встрѣтила насъ съ чисто-русскимъ гостеприимствомъ и угостила на славу отличнымъ обѣдомъ. Мы совершенно объѣлись, какъ подобаетъ окиргизившимся людямъ.

(*) Хутора въ Сибири и въ степяхъ называются заимками.

Хатка Николаевыхъ выстроена у Лепсы, которая неумолчно шумитъ, пробѣгая по камнямъ подъ самыми окнами. Широкая долина рѣки обставлена со всѣхъ сторонъ горами. Вдали, между горъ, чернѣетъ узкая темная щель, обросшая лѣсомъ, сквозь которую вырывается Лепса. Горный воздухъ здѣсь мягокъ и чистъ. „Хорошо у насъ было бы“, рассказывала старуха Николаева. „Пашня есть: хлѣба рождаетъ много. Скота довольно, и пасека меду даетъ, и птицы всякой вдоволь; сѣнокосъ опять хорошій. Жили мы прежде въ Лепсинской станицѣ, потомъ выстроили эту заимку. Тамъ хорошо, а тутъ и того лучше; да какъ вспомнишь про наше горе, такъ и не смотрѣла бы на хозяйство.“

- А что у васъ случилось, хозяйюшка?
- Да сына убили, батюшка родный!
- Кто же? киргизы?
- Говорить судья, будто киргизы.

И старушка рассказала одно изъ тѣхъ темныхъ дѣлъ, которыя обыкновенны на окраинахъ цивилизаціи, гдѣ законъ не можетъ дѣйствовать съ достаточною силою, гдѣ и самые цивилизаторы перенимаютъ иногда дикія страсти отъ цивилизуемыхъ.

Часа въ четыре послѣ обѣда тронулись мы отъ Николаевыхъ къ Лепсинской станицѣ. Почти отъ самой заимки мы стали подниматься на крутую гору. Далѣе, до Лепсинской станицы, намъ пришлось ѣхать по горамъ и долинамъ предгорій, черезъ которыя мы теперь переваливали. Когда мы взѣзжали на вершины уваловъ, впереди открывалась главная линия горъ, опорошенная снѣгомъ. Спускаясь въ долины, мы могли разсматривать обрывистыя длинныя ущелья самыхъ разнообразныхъ очертаній. По всѣмъ доступнымъ покатосямъ видѣлись казачьи пашни, разбросанныя желтыми пятнами по темной нетронутой землѣ.

Солнце совершенно закатилось, а мы все еще то взбирались на горы, то спускались съ нихъ. Взошла луна и освѣтила всѣ окрестныя горы. Нѣсколько точекъ главнаго хребта заблестѣли и заискрились серебромъ; ущелья потонули во мракѣ; нѣсколько граней горъ и нѣсколько далекихъ покатостей, засыпанныхъ снѣгомъ, заиграли свинцовымъ свѣтомъ. Кругомъ тянулись прогалины и впадины, казавшіяся бездонными отъ непосредственнаго прикосновенія синеватаго свѣта съ черною тѣнью.

Съ послѣдней вершины предгорій можно было разсмотрѣть внизу, въ долинѣ Лепсы, нѣсколько огоньковъ. Оттуда слышался лай: это станица. Съѣхавъ съ крутаго спуска, мы очутились на днѣ котловины, образованной Лепсою. Здѣсь было тепло и хорошо. Полное безвѣтріе и тишина позволяли различать то привлекательное журчаніе, съ которымъ пробѣгаютъ по своему каменистому и быстро-падающему дну горныя рѣки. Нѣсколько разъ мы переѣзжали черезъ рукава Лепсы и въ бродъ, и по мостикамъ, перекинутымъ надъ болѣе стремительными изъ нихъ; потомъ наша кавалькада вступила въ улицы Лепсинской станицы. Товарищи еще не прѣзжали.

Лепсинская станица или, какъ ее называютъ киргизы, Чубаръ-Агачъ (*), едва-ли не самое цвѣтущее поселеніе въ степяхъ. Мѣстность, въ которой она лежитъ, чрезвычайно живописна. Плодоносная долина Лепсы шириною въ нѣсколько верстъ. Разбившись на нѣсколько ручьевъ, рѣка шумить, катя свою аквамариновую воду между высокихъ тополей. Кругомъ тѣнятся горы; на лѣвомъ берегу долины поднимаетъ высокіе пики главный хребетъ; направо возвышаются темныя предгорія, которыя мы переѣхали вчера. Станица весьма опрятна, велика и хорошо устроена. Богатство жителей находится въ зависимости отъ очень многихъ причинъ. Черноземная почва на предгоріяхъ не требуетъ иригацій, и безъ поливки, которая такъ затрудняетъ среднеазіатское земледѣліе, даетъ баснословные урожаи. Особенно хороши бываютъ урожаи проса, пшеницы и ярицы. Богатые сѣнокосы покрываютъ всю долину. Несмотря на безжалостное истребленіе лѣсовъ, которыми покрыты горы, деревья на постройки и топлива, вѣроятно, хватить еще на настоящее поколѣніе. Окрестныя горы обилуютъ всякаго рода дичью. Но всѣ эти богатства ничтожны по сравненію съ выгодами, доставляемыми жителямъ пчеловодствомъ. Лепсинскій медъ, благодаря обилію душистыхъ травъ и цвѣтовъ въ долинахъ, чрезвычайно ароматенъ.

Такъ какъ пчеловодству, по всѣмъ соображеніямъ, вѣроятно, предстоитъ блестящая будущность въ нашихъ южныхъ степныхъ поселеніяхъ, то, можетъ быть, не лишнее привести крат-

(*) Чубаръ-Агачъ въ переводѣ значить смѣшанный лѣсъ. Такъ называлось урочище, на которомъ построена Лепсинская станица.

кую исторію развитія пчеловодства въ Томской губерніи, откуда оно и перешло въ степи.

Между 1764 и 1770 годами, въ окрестности Усть-Каменогорской крѣпости были присланы на поселеніе крестьяне, которые жили сначала въ Россіи, но потомъ бѣжали въ Польшу, какъ придерживавшіеся старой вѣры. Во время войны противъ конфедератовъ, бѣглецы были открыты нашими войсками и отправлены, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семействъ, на поселеніе въ южную Сибирь, гдѣ ихъ называли поляками. Близъ Усть-Каменогорска два такихъ поселенія: Бобровское и Секисовское. Въ 1776 году главный докторъ пограничныхъ войскъ, Беренсъ, осматривая военные госпитали, былъ въ этихъ двухъ селеніяхъ, жители которыхъ заявили ему о своемъ желаніи заниматься пчеловодствомъ, какъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Такъ какъ мѣстность, гдѣ расположены селенія, богата растительностію, то въ 1777 году, по настоянію Беренса, привезены были изъ Башкиріи 30 колодъ пчелъ, которыя и розданы по рукамъ въ Бобровскомъ и Секисовскомъ селеніяхъ. Впрочемъ, угли считались казенными, вслѣдствіе чего, несмотря на то, что въ первый же годъ каждая колода дала по три роя, пчелы погибли отъ излишняго и неразсчетливаго вынимаія меда.

Въ 1792 году командиръ драгунскаго полка, квартировавшаго въ Усть-Каменогорскѣ, Аршеневскій, выписалъ изъ Оренбурга 50 колодъ пчелъ и, при помощи знающаго пчеловода, успѣлъ завести пасеку. Успѣхъ былъ полный. Послѣ того Аршеневскій сталъ продавать пчелъ, а бѣднымъ изъ числа жителей Бобровскаго и Секисовскаго селеній, знакомымъ уже съ пчеловодствомъ, раздавалъ ихъ и даромъ. На этотъ разъ пчеловодство здѣсь привилось. Съ теченіемъ времени оно распространилось изъ Усть-Каменогорска по южной части Томской губерніи и въ степяхъ. (*)

Въ Лепсинскую станицу пчелы завезены съ бійской линіи казаками, пришедшими оттуда для ея заселенія. О выгодахъ, доставляемыхъ здѣсь пчеловодствомъ, можно судить по слѣдующему факту: казакъ, въ домѣ котораго стоялъ нашъ предсѣдатель, купилъ четыре года тому назадъ восемь колодъ пчелъ;

(*) Первоначально заведено было пчеловодство около Томска и Кузнецка. См. статью г. Абрамова: „Устькаменогорскъ въ 1861 году“, въ „Запискахъ и. р. географическаго общества“.

онѣ ройлись тамъ хорошо, что теперь у казака до 400 колодъ, дающихъ 150 пудовъ меда ежегодно.

Въ 1865 году пудъ меда стоилъ въ Лепсинской станицѣ 5 руб. сер.; пудъ воска — 14 руб. сер. Покупали оптомъ и въ раздробъ русскіе купцы, татары и киргизы. Такъ какъ медъ составляетъ любимую приправу среднеазіатской кухни, то сбытъ его въ степяхъ всегда обезпеченъ. Несмотря на то, что въ станицѣ 500 домовъ и почти каждый казакъ имѣетъ пасеку, требованіе на медъ превосходило предложеніе. Такимъ образомъ, при небольшомъ трудѣ, благосостояніе жителей Лепсинской станицы было бы совершенно обезпечено, если бы не наша всероссійская язва—пьянство. „Пьяное это мѣсто Лепса—говорилъ казакъ Дмитрій, когда мы въѣзжали въ станицу—когда не пріѣдешь, все пѣсни да пѣсни, и поютъ тутъ по кабакамъ цѣлую ночь насквозь.“

Какъ ни удобна для пчеловодства Чубарь-Агачская долина, однако пчелы водятся еще лучше въ верховьяхъ рѣки Тентена, лежащихъ немного восточнѣе Лепсинской станицы. Одна старуха говорила мнѣ, будто на Тентенѣ дикія пчелы водились до прибытія сюда русскихъ; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что теперь онѣ держатся тамъ въ большомъ числѣ. Лепсинскіе казаки ѣзжаютъ туда брать рои и вырѣзывать медъ. Въ послѣднее время, въ ущельяхъ, по долинѣ Тентена, завелись и казачьи пасеки.

А. Е. ГЕИНСЪ.